

## РЕЦЕНЗИИ

"ДА НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ ДРУГИХ БОГОВ..."

/А.Рыбаков. Дети Арбата. "Дружба народов", № 4-6, 1987/

1. Человек неразрывно связан со своим временем и воплощает его собой. В жизни постоянно появляются "новые люди", которые сначала предвещают, а потом в наибольшей степени выражают какой-то исторический период в жизни народа и даже человечества. Увидеть этих людей - значит понять свое время, соответствовать ему, быть в полном смысле этого слова.

Все в какой-то степени угадывают это новое в себе и других, однако лишь настоящим писателям дана способность сполна воссоздать их в творчестве; поэтому люди и обращаются к литературе и окружают писателей уважением и почитанием.

Галерея "новых людей", созданная русской литературой XIX века - Алеко, Онегин, Печорин, Базаров, Раевский, Тарелкин, Раскольников, Верховенский - выражает свое время яснее, полнее и глубже, чем многочисленные труды историков и экономистов, во всяком случае для большинства людей.

2. Каждая историческая эпоха открывает ту или иную слабость человека, в частности, его поверженность тем или иным заболеваниям или эпидемиям. В Средние века бичем человечества были чума и моровая язва, позже - холера, туберкулез и сифилис, сейчас - не знают границ и барьера грипп, рак и спид. Пока человек не выработает или не найдет противоядия, он будет неизбежной жертвой этих болезней. Посему и должен он прилагать к этому самые решительные усилия.

Менее заметны, но не менее опасны духовные болезни, подверженность идеям и внушениям, имеющим катастрофическое влияние на жизнь людей. Их первостепенное значение отмечал уже Ф.Тютчев:

"Не плоть, а дух растлился в наши дни  
И человек отчаянно тоскует...  
Он к свету рвется из ночной тени,  
И свет обретши, ропщет и бунтует."

Опасность духовных болезней усугубляется тем, что они многими не осознаются как болезнь, а иногда воспринимаются даже как благо человечества. Но и опознанные, эти болезни с трудом поддаются лечению,

так как первопричина духовных недугов выявляется далеко не сразу, лечение же последствий, хотя и облегчает, но искоренить болезнь или существенно ограничить её не может.

3. В выявлении первопричин болезней духа большую роль играют писатели, и хотя философы и историки тоже вносят существенный вклад, голос писателя громче, аудитория больше, "язык" понятнее.

Вероятно поэтому, или уж таким его создал Творец, писателя всегда тянет к новым людям, к духовным болезням времени; одних больше, других меньше, одних сразу, других – потом, связь писателя с "крамолой" во все времена не прерывается. Недаром Платон не оставил места писателям в своем "идеальном" Государстве, а изгнал их.

В самом деле, Пушкин переболел атеизмом и прошел через масонство, ставившее ему ссылки. Достоевский не на шутку увлекся социализмом. За свою связь с петрашевцами он поплатился каторгой, едва избежал смертной казни, но болезнь эту в себе искоренил и много способствовал ее разоблачению.

Л.Толстой, слишком поздно заразившись "передовыми" идеями, так и не сумел их преодолеть. Не отсюда ли такая противоречивость его творчества, личная неудовлетворенность, мучительные, вплоть до самой смерти искаания?

Обычно писатели ~~живут~~ преодолевают духовные болезни своего времени через творчество. Поставив в центре своих произведений новых людей, они обнаруживают и показывают нам ущербность их мироощущения, их идей, их жизни. Вслед за героями мы погружаемся в трясину, но нетонем в ней, и таким образом получаем как бы прививку. Но это происходит только в том случае, когда сам писатель, подобно Пушкину или Достоевскому, преодолел собственный недуг. Без этого он лишь заразит людей и будет способствовать распространению духовных болезней своего времени.

4. XX век открыл новую слабость человека. Зараженный атеизмом, пренебрегая патриархальной христианской моралью, человек стал с легкостью убивать и одобрять убийства и репрессии. Лишение жизни перестало быть святотатством. Сохранение смертной казни, захват заложников, поджоги и взрывы в магазинах и на вокзалах, убийство невинных пассажиров в автобусах, газовые камеры и концлагеря, уничтожение "бывших", ликвидация "кулачества", депортация народов, геноцид, – это не действия отдельных злодеев или преступных организаций, вроде "СС". Здесь есть согласие большинства, без внутреннего и внешнего одобрения которых эти действия были бы невозможны.

Убийства и репрессии невинных людей в каждой стране принимают свои очертания, имеют свои "идейные" обоснования, своих вдохновителей и исполнителей. Но появившись в обществе, они начинают жить самостоятельной жизнью, появляется машина смерти /В Средние века оказали бы - демон смерти/, существующая сама по себе и требующая все новых и новых жертв.

Этот смертоносный механизм, если его вовремя не разрушить, вовлекает в свой круговорот все большее число людей. В какие-то периоды в отдельных странах смерть буквально воцаряется и становится заметной для всех и на все времена /культурная революция в Китае, "37-й год" в СССР, Красные кхмеры в Камбодже/, надолго становится темой для разговоров, размышлений, писательских раздумий.

Долг писателя - за покровом "идейных" и прочих рассуждений обнаружить "машину смерти", открыть духовные причины её зарождения, а главное - увидеть слабость и какую-то беззащитность человека перед воцарившимся в обществе демоном смертоубийств.

5. Большой читательский интерес к роману Анатолия Рыбакова "Дети Арбата" объясняется прежде всего тем, что он затронул эту злободневную тему. Герои его творения - либо злодеи /Сталин, Ягода, Ежов, Дьяков, Шарок/, либо жертвы, пострадавшие сами, потерявшие сына, жениха, товарища. Главный злодей, становящийся единоличным вождем, исполнители его ужасных указаний и намеков, общество, из которого выдергиваются очередные жертвы, "потенциальные претенденты" на высшую власть в стране и их окружение - кинематографически сменяют друг друга, не давая читателю заскучать. Действие развертывается то в Москве, то в Сибири, то в Сочи, на миг - в Ленинграде, начиная от самого верха и кончая обыденной жизнью арбатского двора или сибирского села. В романе сообщается немало относительно новых - для малоинформированного современного читателя - фактов; чуть ли не впервые за многие годы "уклонисты" и "предатели" рабочего класса Каменев, Зиновьев, Троцкий описываются с явной симпатией, - словом, есть что почитать и над чем подумать.

Автор - явно не в плену обширного материала, имеет свою точку зрения на события 30-х годов, и её по существу и иллюстрирует своими героями. Но именно в этом - кардинальная слабость романа, когда идея не кристаллизируется из событий, а под неё тщательно подбираются нужные факты и выстраиваются события. Другими словами, роман явно тенденциозен, публицистичен, его герои плакатны, их

поступки прямолинейны, рассуждения автора пропитаны дешевым психологизмом. С художественной точки зрения роман очень слаб и не останется надолго в литературе, а лишь пополнит легион сиюминутных поделок, наподобие "Повести о пережитом" Дьякова и ей подобных.

Но если не в художественном отношении, так может быть в философском или социально-политическом осмыслении роман несет нечто новое, вскрывая подлинный источник массовых репрессий 30-х годов, а через них находит первопричину духовной деградации людей XX века?

Однако и здесь нас ждет разочарование. Все зло, все репрессии, весь обман и демагогия исходят по твердому убеждению Рыбакова от одного человека. Ни в ком более лично нет злой воли, как только в Сталине. Карьеризм? Есть. Страх? Есть, как и другие пороки, но злая воля присущая только вождю, да и у него она направлена не на смерть и репрессии как таковые. Последние — лишь средство достичнуть абсолютной власти и уничтожить реальных и потенциальных конкурентов на верховенство! Причем за этим, по Рыбакову, проглядывает овладевшая Сталиным идея построения социализма. Таким образом никто по существу не виноват в неслыханных жертвах и репрессиях 30-х годов, разве что социализм. Но последнее Рыбаков явно не думает. Его главный положительный герой Саша Панкрадов верит в социализм, верит в вождя. Сам оказавшись жертвой произвола, он тем не менее пытет идейной злобой к врагам, к не таким как он, хотя по молодости лет в житейских ситуациях проявляет иногда снисходительность. Однако же его совершенно не волнуют репрессии, когда они не касаются его лично или идейно. Жертв "машины смерти", которых к 1934 году было уже предостаточно, он просто не замечает, хотя в романе некоторые несправедливости упомянуты. А ведь ни уничтожение "кулачества" как класса, ни искусственный голод на Украине после коллективизации, унесший жизни сотен тысяч людей, ни ссылки и ликвидация "бывших" и социалистов разных мастей, ни преследование верующих, ни начавшаяся в 1932 году "пятилетка безбожия" с массовыми закрытиями и разрушениями храмов — не могли пройти мимо него. Нетрудно догадаться, что будучи активным комсомольцем, он наверняка принимал в этом участие, в том же глумлении над верующими, что было в моде у комсомольцев 30-х годов.

Но, собственно говоря, претензия тут к автору. Рыбаков не счел перечисленные события заслуживающими отражения в романе, и значит, либо не посчитал их важными, либо был солидарен с творив-

шими зло и беззаконие. Такая позиция автора принципиально исключает возможность увидеть "машину смерти" и требует подыскания "козла отпущения". "Козлов" оказывается два. Первый — Сталин, возомнивший или, по Рыбакову, действительный вождь. Второй — русский народ со своей традиционно любимой формой государственной власти — самодержавием. Последняя, впрочем, понимается Рыбаковым довольно своеобразно, как своего рода светская теократия. "Государство — вот религия русского человека, он и чтит Бога в государе".

Сталин, по мнению Рыбакова, лишь копировал в новых исторических условиях, порядки российских самодержцев. Монополия одной партии заменила старое боярство и дворянство. ЧК-ОГПУ — новая опричнина. Такое объяснение, однако, не выдерживает никакой критики и является заведомой ложью. Пол Пот или Мао Цзе-дун, тоже говорившие о социализме, явились причиной не меньших жертв, но они действовали на иной культурно-исторической ниве, как в иных условиях и преследуя иные цели творил беззакония Гитлер.

Исторические традиции здесь ни причем, но должна быть какая-то причина, объясняющая поведение новых тиранов.

Что же это за причина? Попробуем непредвзято сравнить новых диктаторов XX века с самодержцами.

Что объединяло их всех между собой и что кардинально отличало, скажем, от российских императоров?

Неимоверная страсть к славе как таковой. Все прочие страсти и пороки, как и какие-то добродетели или интересы страны, народа, организации, к которой они принадлежали, отступают перед ней на второй и даже на третий план. Вся их жизнь, поступки, речи, мечты были направлены на возвеличивание собственной персоны и на обретение максимума славы. Все годилось для этого: идея Троцкого о кол-лективизации или чья-то об индустриализации, — она претворялась с неимоверной жестокостью и "автором" её становился Сталин. Разрушение великой столицы и строительство заурядного города-маравейника, возведение гигантских гидроэлектростанций и водохранилищ, строительство "великих" каналов на севере и на юге, — вдохновителем и организатором всего этого являлся Сталин. Что такие каналы /как Беломорканал/ не нужны, что водохранилища затопили доставшиеся нам в наследство плодороднейшие, а потому бесценные земли, — это станет всем ясно потом, но было очевидно специалистам сразу. Однако и они внесли свой вклад во все нарастающее славословие "гениальному кормчему" — значит они были нужны. Замечим, что зараза "громких", а по существу пустых и даже вредных

дел, долго еще тянулась за сгинувшим тираном: освоение целины, переброс северных рек, вплоть до возведения ленинградской дамбы, все это — отрыжки "великих строек", ведущих в зияющую бездну.

Все, кто не славословил вождя, будь это жена, друзья, соратники, земляки, специалисты — должны быть уничтожены, хотя это и отбросило страну далеко назад, сделало её беззащитной от врагов, в конечном итоге опорочило то дело, которому он внешне служил и призывал служить других, — все это не имело никакого значения для человека, одержимого собой. И славословие затопило страну, имя вождя, цитаты из его "творений" упоминались во всякой речи, в каждом выступлении, докладе, научной работе, диссертации. Любой концерт, собрание, митинг начинались с долгих здравиц в честь вождя. В Китае цитаты из Мао зачитывали перед началом хирургических операций.

Было ли нечто подобное у российских или германских императоров? Не было, никогда, ни у кого. Самым произносимым именем в России было не имя императора, а имя Божие. То же можно сказать и про Германию до прихода нацистов к власти.

Самыми распространенными книгами при вождях стали их биографии и цитатники, что совсем не характерно для империи. В христианских странах это Новый Завет и жития угодников Божиих, в языческих — религиозные книги. Количество икон и распятий не шло ни в какое сравнение с портретами царствующих особ или гербами государств, тогда как портреты, картины, бюсты, памятники вождя изготавливались в неимоверных количествах.

Император не отменял справедливого суда, хотя и стоял над ним. Он мог помиловать преступника и нередко это делал, как Николай I некоторых декабристов или Достоевского. Сталин не помиловал в своей жизни никого.

Никакой самодержец не заставлял переписывать заново историю с тем, чтобы неимоверно преувеличить свою роль и значение, как это делали вожди, и что хорошо показал А.Рыбаков на примере роли Сталина в большевистском движении Азербайджана.

Никакой император, в отличие от вождей, не требовал слепого поклонения, а лишь служения царю и отечеству. Причем, в первую очередь от бояр и дворян и в несравненно меньшей степени от крестьян и мещан. Жесвидетелей, доносчиков, предателей всегда покрывали позором, а честь, достоинство, благородство ценились всегда. Любое отклонение от этого положения клеймилось как в высшем обществе, так и в простом народе. Все "отрицательные" песни и сказания в народном творчестве сконцентрировались на Иоанне Грозном и очень малая часть /у раскольников преимущественно/ на Петре I. Это исключ-

чение лишь подтверждает общее правило, из которого они выпадали.

~~Таким образом, Сталин не был обезьяной российских императоров, но был куда более страшной подменой – обезьяной Бога, Отца Небесного.~~

Заметим, что и языческие императоры не требовали себе такого всеохватывающего славословия. Ведь даже их обожествление лишь вводило их в сонм богов и героев, но не делало единственным богом на все времена и для всех народов.

Итак, Сталин не был обезьяной российских императоров и самодержцев, ни вообще никаких императоров, но куда более страшной подменой и карикатурой – обезьяной Бога.

6. С воплощением Сына Божия не отменились /и даже не изменились/ наши отношения с Отцом Небесным. Не случайно единственная молитва, оставленная нам Иисусом Христом – это "Отче наш". Его заповеди мы должны по-прежнему выполнять, Ему мы должны быть послушны во всем, что Он нам скажет. Веления Отца Небесного могут быть непонятными, как повеление Аврааму оставить Ур Халдейский или принести в жертву Богом данного сына, – но тем не менее мы должны их исполнять. Наше окружение может абсолютно пренебрегать заповедями Божиими и жить в нечистоте и растлении, как современники Ноя, однако это не может служить нам оправданием нарушений заповедей Божиих.

Непоколебимыми должно быть наше доверие к Отцу Небесному, а высшим долгом – выполнять данные нам поручения или дела, будь то сохранение веры в условиях поголовного атеизма или что-либо еще.

Такова природа отношений человека с Отцом Небесным, отношений, которые предписаны каждому человеку, где бы он ни родился, в какой бы стране ни жил. В сердце наше, в нашу душу, разум, крепость вложено такое поведение.

Таким образом, духовная близость болезнь человека XX века это вольное или невольное, сознательное или бессознательное отречение от Отца Небесного и попадание в зависимость от самозванцев, претендующих на место Бога-Отца в жизни людей. Доверие и послушание Отцу Небесному, исполнение Его заповедей, чувство долга перед Ним – больные люди XX века стали отдавать самозванным лжеотцам.

Происходит это во всех странах одинаково, потому фазы этой болезни хотя бы в самых общих чертах следует знать. И тогда мы "привиты" от этой страшной духовной чумы и в состоянии ей противостоять.

Обозначу эти фазы, хотя при этом выйду далеко за рамки рецензии.

Зараза лжеотцовства возникает в любом обществе или коллективе, где сознательно отменяются заповеди Божии по отношению к людям и заменяются противоположными им. Вспомним, как это было у нас:

- "Не укради", "Не пожелай ничего у ближнего твоего" – грабь награбленное.
- "Не убий" – убей врага, эксплуататора, вредителя, убей даже невинного, если это идет на пользу делу, которому ты служишь.
- "Не лжесвидетельствуй" – доноси на всех, недонесительство – преступление.
- "Почитай отца и мать" – подражай Павлику Морозову, предавшего отца.

И наконец самое главное для лжеотцов и самое страшное для нас – замена первой и наиважнейшей заповеди:

- "Я ГОСПОДЬ БОГ твой, да не будет у тебя других богов, пред лицем МОИМ" –
- собственным культом вождя. Люди, нарушившие заповеди и ставшие по существу преступниками – греховными и нераскаянными сынами Отца Небесного – "созревают" для такого падения. Конечно, пока живо христианство, люди могут очиститься от совершенных преступлений, к чему их всегда призывает Церковь. Именно поэтому заключительной фазе восхваления и славословия вождей предшествует этап наиболее злобных и массовых гонений на Церковь и на верующих.

У нас этот этап начался в 1932 году, объявлением "пятилетки безбожия", главной задачей которой было достичь к 1937 году такого положения в стране, когда не останется ни одного храма, а имя Божие вообще не будет поминаться.

В "пятилетку безбожия" и началась безудержное восхваление и славословие "отца народов", которое не останавливалось, нарастая "крещендо", и было прекращено лишь XX съездом.

Итак, абсолютно неверно искать причину массовых репрессий 30-х годов в попытке Сталина подражать российским императорам или в особых качествах русского народа. Если бы в 1934 году генеральным секретарем стал не Сталин, а кто-то другой, созревший кульп вождя-лжеотца все равно дал бы себя знать, и все пошло бы по тому же сценарию, только с другим "претендентом". Такова внутренняя логика отказа от Отца Небесного.

До тех пор, пока мы не осознаем себя детьми Отца Небесного, до тех пор, пока будем нарушать Его заповеди, не каяться в этом и не исправляться, до тех пор, пока свое полное доверие, абсолютное послушание, высший долг мы не будем отдавать Отцу Небесному – мы всегда будем оставаться под угрозой новых массовых и страшных

репрессий. Наивно думать, что они кого-то минуют, кому-то удастся удержаться на стороне "победителей", а не жертв. Демон насилия и смерти поразит всех, хоть и в разное время.

Долг писателя перед своим народом, Родиной, человечеством показать это так, чтобы люди не только умом, а и сердцем ощутили это и возненавидели тех злодеев, что пытаются подменить Отца Небесного. Этого долга писатель Рыбаков не исполнил. Более того, он завел читателя в трясину 30-х годов, но не вывел из нее, и потому стал невольным соучастником того зла, которое, видимо, хотел разоблачить. "Дети Арбата" – плевель, рассеянные диаволом на человеческой ниве. Будущие самозванцы – лже-отцы скажут Рыбакову спасибо. Но не мы.